

Цѣнность Закона Божія для школы и жизни.

(Лекція, прочитанная 15 марта 1918 года въ залѣ Тобольской Женской Гимназіи).

I.

Въ январѣ 1918 года однимъ изъ постановленій большевѣтскаго правительства Законъ Божій упраздненъ, какъ предметъ школьнаго преподаванія въ государственной и частной общеобразовательной школѣ.

Осуществится-ли этотъ приказъ? Неизвѣстно, такъ какъ политическія и общественныя событія въ Россіи, охваченной пламенемъ революціоннаго пожара, не опредѣлились еще окончательно. Но опасность, угрожающая школьному преподаванію Закона Божія, вызываетъ въ душѣ православнаго общества естественный вопросъ—о цѣнности Закона Божія для школы и жизни. Необходимо подумать о томъ, при какихъ условіяхъ можно придать жизненную цѣнность урокамъ Закона Божія? какъ поставить преподаваніе этого предмета, въ случаѣ насилія какого либо правительства въ отношеніи школьнаго обученія Закону Божию?

Поищемъ отвѣтовъ на вопросы о Законѣ Божіемъ въ Евангелии, у Свѣтлаго Лица Христова.

Евангелистъ описываетъ бесѣду двѣнадцатилѣтняго отрока Іисуса съ учениками, которые изумляются мудрости юнаго Христа, не учившагося ни въ одной изъ извѣстныхъ въ то время школъ. Очевидно, мудрость отрока Іисуса, не касаясь вопроса о Его Божествѣ, нужно признать плодомъ Его домашняго воспитанія, а не школьнаго обученія. Поучимся же урокамъ дошкольнаго воспитанія по Евангельскимъ сказаніямъ о дѣтствѣ и отрочествѣ Спасителя.

Первою воспитательницею Іисуса была благочестивая, высоко-нравственная, воспитанная съ дѣтства при храмѣ, Пречыстая Дѣва. Первые уроки отрока Спасителя происходили въ скромной обстановкѣ трудовой семьи плотника, въ повиновеніи старшимъ членамъ семейства (Лук. II, 51).

Съ того времени наступилъ двадцатый вѣкъ, но еще до сихъ поръ христіанскій мыслитель никакъ не укажетъ приѣмовъ домашняго воспитанія, которые были бы лучше Евангельскихъ: еще и теперь мы съ восторгомъ встрѣчаемъ скромную, трудолюбивую и благочестивую мать семейства, которая даетъ своему дитяти первые уроки идеализма, вѣры, трудолюбія и нравственной чистоты. Лучшихъ уроковъ въ жизни, кромѣ уроковъ родной матери, мы не найдемъ нигдѣ. Вѣдь школа часто бываетъ не въ силахъ направить развитіе ребенка въ другую сторону, противоположную урокамъ домашняго, дошкольнаго воспитанія, что особенно ярко сказывается на нравственныхъ задаткахъ ребенка: кто вышелъ изъ семьи съ чистыми запросами стыдливости и честности, тотъ долго не поддается растлѣвающему вліянію жизни. Но кто еще изъ стѣнъ семьи вынесъ склонности къ пороку, тотъ и въ школу вноситъ начала разложенія и нравственной гнили.

Лучшимъ учителемъ и лучшимъ воспитателемъ дитяти нужно признать его родную мать, которая не должна отлагать первыхъ уроковъ со своимъ ребенкомъ до его школьнаго возраста, но еще въ семьѣ должна заложить въ душу ребенка зерна добра. Первые уроки по Закону Божию должны начинаться еще у колыбели малютки: вечерами и ночью дитя должно видѣть кроткій огонекъ лампы, освѣщающій лики Богоматери съ Богомладенцемъ. Въ раннемъ дѣтствѣ мать должна складывать пальчики своего ребенка для крестнаго знаменія. Только материнская нѣжность дастъ этимъ первымъ урокамъ ту особенную силу и привлекательность, которая не изгладится потомъ изъ души ребенка на всю жизнь.

Съ возрастомъ ребенка семья, а въ особенности мать, не откладываетъ домашняго религіознаго воспитанія: подрастающій отрокъ въ семейной обстановкѣ долженъ пережить трепетъ первой, искренней исповѣди, долженъ увидѣть красоту церковныхъ обрядовъ, долженъ пережить во время христіанскихъ праздниковъ то сильное вліяніе молитвы, богослужебной поэзіи, душевнаго свѣта и тепла, которые вносятся въ дѣтское сердце восторгами вербы, Пасхальной утрени, Троицкими березками и цвѣтами, Рождественскою звѣздою и славленьемъ. Силу такихъ переживаній въ дѣтствѣ не одинъ разъ отмѣчала художественная литература, напримѣръ, въ „Дѣтствѣ, отрочествѣ, юности“ Л. Толстого и въ рассказахъ А. Чехова. Вспомните, какія теплыя и задушевныя слова говоритъ Толстой о дѣтской молитвѣ: „бывало... станешь предъ иконами... какое чудесное чувство испытываешь, говоря; „спаси, Господи, папеньку и маменьку.“ Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимую мать, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство. Послѣ молитвы

завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонять другія,—но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье... Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны... Вернутся ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ?.. Гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію. Неужели жизнь оставила такіе тяжелые слѣды въ моемъ сѣрдцѣ, что навѣки отошли отъ меня слезы и восторги эти? Неужели остались однѣ воспоминанія?..“ („Дѣтство“. Собраніе сочиненій, изд. 1887 г., т. I, 63—64 стр.)

Переживанія религіозно-настроеннаго юноши описаны въ яркомъ разсказѣ объ исповѣди Николеньки: „... какъ только, посреди общаго молчанья, раздался выразительный, строгій голосъ монаха, читавшаго молитву, и особенно когда онъ произнесъ къ намъ слова: „откройте всѣ ваши прегрѣшенія безъ стыда, утайки и оправданія, и душа ваша очистится предъ Богомъ, а ежели утаите что-нибудь, большой грѣхъ будете имѣть,“—ко мнѣ возвратилось чувство благоговѣйнаго трепета, которое я испытывалъ утромъ при мысли о предстоящемъ таинствѣ... Я пробылъ не болѣе пяти минутъ на исповѣди, но вышелъ счастливымъ и, по моему тогдашнему убѣжденію, совершенно чистымъ, нравственно переродившимся и новымъ человѣкомъ... Я пробылъ въ этомъ отрадномъ настроеніи духа до того времени, какъ легъ въ постель.

„Я уже засыпалъ... какъ вдругъ вспомнилъ одинъ стыдный грѣхъ, который утаилъ на исповѣди. Слова молитвы предъ исповѣдью вспомнились мнѣ и, не переставая, звучали у меня въ ушахъ. Все мое спокойствіе мгновенно исчезло... Но вдругъ мнѣ пришла счастливая мысль: чѣмъ свѣтъ идти или ѣхать въ монастырь къ духовнику и снова исповѣдаться, и я успокоился... Я нѣсколько разъ просыпался ночью, боясь проспать утро, и въ шестомъ часу уже былъ на ногахъ.

„... Я попросилъ духовника благословить меня и съ особеннымъ удовольствіемъ поцѣловалъ его желтоватую, небольшую руку. Когда я объяснилъ ему свою просьбу, онъ ничего не сказалъ мнѣ, подошелъ къ иконамъ и началъ исповѣдь. Когда исповѣдь кончилась, и я, преодолевая стыдъ, сказалъ все, что было у меня на душѣ, онъ положилъ мнѣ на голову руки и своимъ звучнымъ, тихимъ голосомъ произнесъ: „да будетъ, сынъ мой, надъ тобою благословеніе Отца Небеснаго, да сохранитъ Онъ въ тебѣ навсегда вѣру, кротость и смиреніе. Аминь.“—Я былъ совершенно счастливъ; слезы счастья подступали мнѣ къ горлу...“ („Юность“, собраніе соч., изд. 1887 г., т. I, стр. 262—268).

Изъ приведеннаго отрывка одного изъ произведеній русской художественной литературы можно видѣть, какія глубоко-возвышенныя переживанія и сколь благотворное, ободряющее душу человѣка, одушевленіе вноситъ въ жизнь дитяти религіозное чувство! какое свѣтлое воспоми-

наніе на всю жизнь выносить съ собою челоуѣкъ, въ дѣтствѣ пережившій молитвенное настроеніе! Поэтому наиболѣе цѣнными уроками Закона Божія являются уроки религіознаго опыта, уроки молитвенныхъ переживаній, испытанные въ раннемъ дѣтствѣ, подъ руководствомъ матери и родной семьи. Школьные уроки по Закону Божію наиболѣе плодотворны будутъ только тогда, когда отроки, поступающіе въ школу, будутъ ознакомлены съ восторгами молитвы, съ душевнымъ тепломъ и свѣтомъ, входящимъ въ душу вмѣстѣ съ мыслями о Богѣ, вмѣстѣ съ переживаніемъ близкаго присутствія Божества въ красотѣ богослужебной обстановки православнаго храма; все это должна показать ребенку его мать и его родная семья.

Вѣдь и школьные уроки Закона Божія, и наибольшее усердіе законоучителя будутъ мало плодотворны въ кругу тѣхъ учениковъ, которые пришли въ школу изъ невѣрующей или распущенной семьи, не знающіе молитвъ, не любящіе праздничнаго церковнаго богослуженія. Наоборотъ, и лѣнивый, нерадивый законоучитель усилить свою заботливость объ урокахъ Закона Божія для тѣхъ учениковъ, которые принесутъ съ собою въ школу религіозность, благоговѣйное чтеніе молитвъ и слушаніе Евангелія, внимательность къ устройству въ школѣ кіота для иконы, лампады къ класному образу. Школа получаетъ дѣтей съ уже намѣтившимися, опредѣлившимися задатками. Въ первыхъ классахъ своихъ нынѣшняя русская государственная школа, какъ въ зеркалѣ, отражала все болѣзни русской семьи: по настроенію поступающихъ въ нашу среднюю школу дѣтей можно видѣть, какъ нынѣшнія матери тяготятся воспитаніемъ своихъ дѣтей и какъ онѣ мало даютъ имъ религіозныхъ уроковъ въ семьѣ. Еще въ прежніе, теперь безвозвратно минувшіе, годы религіозное воспитаніе въ семьѣ нѣсколько восполнялось уроками по Закону Божію, которые въ старыхъ зажиточныхъ семьяхъ давали религіозные слуги и вѣрующіе русскіе люди изъ простаго народа. Такіе замѣчательные уроки, производящіе на ребенка сильное вліяніе на всю жизнь, описалъ И. С. Тургеневъ въ разсказѣ о дѣтствѣ Лизы Калитиной: „няня Агафья разсказывала не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду, — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на гѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святые слова. Лиза ее слушала, и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христось становился ей близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ. Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано, на зарѣ, торопливо ее одѣвала и вводила тайкомъ къ заутренѣ. Лиза шла за ней на цыпочкахъ,

чуть душа; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго, потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. („Дворянское Гнѣздо“. Собрание соч., изд. 1898 г., т. III, стр. 307).

Теперь такихъ благоговѣйныхъ и преданныхъ слугъ встрѣчается меньше и меньше. Поэтому съ увѣщаніемъ о домашнемъ религіозномъ воспитаніи и обученіи приходится обращаться къ родителямъ. Приходится просить самихъ родителей—посѣять въ душахъ ихъ дѣтей зерна добра и ростки вѣры въ самомъ раннемъ возрастѣ, такъ какъ посѣянное въ раннемъ дѣтствѣ прочнѣе западетъ въ душу дитяти и надольше сохранить чистоту сердца ихъ, ребенка же отъ растлѣвающаго вліянія товарищества и нашей общественной распущенности. Особенно матерямъ—христіанкамъ необходимо чаще вспоминать золотыя слова апостола Павла: „желаю, чтобы жены въ приличномъ одѣяніи, со стыдливостью и цѣломудріемъ, украшали себя не плетеніемъ волосъ, не золотомъ, не жемчугомъ, не многоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами... Спасется жена чрезъ чадородіе, если дѣтей приведетъ къ вѣрѣ“... (I Тим. II, 9—10, 15).

Нынѣшнія матери—христіанки не всѣ усердны въ наученіи своихъ дѣтей молитвамъ, почему и нынѣшніе отроки, поступающіе въ школу, знаютъ мало молитвъ и переживаній молитвеннаго опыта. Нужно христіанской семьѣ усилить религіозное воспитаніе дѣтей, тогда, естественно, родители съ большимъ вниманіемъ отнесутся и къ обученію своихъ дѣтей въ государственной школѣ и создадутъ для нихъ и въ школѣ условія, удобныя для преподаванія уроковъ Закона Божія и для продолженія религіознаго воспитанія.

Между тѣмъ, еще до изданія большевистскаго декрета противъ школьнаго обученія Закону Божію, въ государственной школѣ положеніе Закона Божія было совершенно ненормально, по признанію не только узкихъ, партійныхъ общественныхъ дѣятелей, но и по признанію законоучительскихъ съѣздовъ, состоявшихся въ 1910—1917 г.г. И общество русское, и, особенно, родители учащихся, и законоучители подмѣтили тотъ грустный фактъ, что наша государственная школа—и свѣтская, и даже духовная—давала въ кругу учащихся старшихъ классовъ множество людей невѣрующихъ, лишенныхъ твердыхъ и устойчивыхъ религіозно-нравственныхъ устоевъ, распущенныхъ, часто довольствующихся или одною пошлою сытостью и комфортомъ, или же разочарованныхъ, относящихся съ усмѣшкою ко всякому идейному дѣлу.

Наша государственная школа или вовсе отказывалась отъ религіозно-нравственнаго воспитанія учащихся, или же попускала въ своихъ стѣнахъ развиваться самымъ крайнимъ, безрелигіознымъ и противуцерковнымъ, противу-нравственнымъ кружкамъ и партіямъ. И родители не предъявляли къ школѣ требованій религіозно-нравственнаго воспитанія, довольствуясь государственною школою, какъ фабрикою дипломовъ. Пользуясь этимъ равнодушіемъ педагоговъ и родителей къ вопросамъ

нравственной чистоты, воздержанія и вѣры, учащіеся рано начинали пьянствовать, привыкать къ картежной игрѣ и излишнему гулянію по театрамъ и кинематографамъ, въ результатѣ чего въ юношеской душѣ быстро погасаль свѣтильникъ вѣры, тускнѣла нравственная чистота,

„... а ужъ тутъ дорога
Не къ добру ведетъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ“. (Кольцовъ).

Потеря вѣры начинается въ юной душѣ тотчасъ же, какъ только теряется нравственная чистота, охранить которую не могли ни прежняя школа, ни оффиціальныи законоучитель, ни родители, не умѣвшіе указать учащимся на красоту идейныхъ союзовъ юныхъ трезвенниковъ, благотворителей, пѣвчихъ, паломниковъ, трудовыхъ артелей, книгоношъ и лекторовъ. Наши дѣти, лишеныя живой нравственной силы, неспаявшіеся въ церковныя союзы, рано потерявшія свою воздержную и цѣломудренную стыдливость, пройдя казенную школу, съ ея формализмомъ и невниманіемъ къ духовной жизни дѣтей, дѣйствительно, въ правѣ сказать намъ—своимъ родителямъ, учителямъ и законоучителямъ: „вы родили насъ, но не знаю, забыли ли вы вложить душу въ насъ, или послѣ ее вытравили изъ насъ“... (П. Д. Боборыкинъ). Многія дѣвушки вправѣ теперь повторить слова одной героини Боборыкина: „на что я гожусь? Итеричка форменная. И чѣмъ скорѣе подохну или съ ума сойду, тѣмъ лучше. Ну, что моя жизнь? Къ чему? Кому нужна и для чего? Людей я не люблю и сама людямъ постыла, и ни для чего не нужна. Все у меня болитъ—и душа, и тѣло—отъ застарѣлыхъ катарровъ, отъ глубокой неврастенія. Мать же увѣряетъ, что это отъ того, что я распустилась... О, до чего же они тупы и грубы съ нами, своими дѣтьми“...

Рѣзкіе упреки со стороны учащихся и родителями, и учителями, и законоучителями въ значительной степени (нами!) заслужены: эти упреки вскрываютъ нашу бездѣятельность въ устройствѣ для нашихъ дѣтей разумнаго, здороваго и религіознаго воспитанія и во время обученія нашихъ дѣтей въ казенной школѣ.

Особенно чутко къ этимъ рѣзкимъ упрекамъ юношества должны прислушаться вѣрующіе и духовенство. Охраняемое опекою государства, православное духовенство дремало и было бездѣтельно въ дѣлѣ религіознаго воспитанія учащихся. Теперь, при гоненіи властей на школьныя уроки Закона Божія *), нужно проснуться прежде всего духовенству. Гонение на церковь—это не только бѣдствіе, но и призывъ: проснуться! приняться за новую воспитательно-учебную работу и помимо казенныхъ школьныхъ программъ! И пути въ этомъ направленіи уже указаны для духовенства и для ревнителей православія изъ мірянъ, мужчинъ и женщинъ, вступающихъ членами въ церковныя братства и въ приходскіе совѣты. Можно указать два живыхъ проэкта творческой работы по учебно-воспитательной работѣ въ области Закона Божія: 1) проэктъ Кіевскаго Миссіонерскаго Съѣзда 1908 года и 2) проэктъ предсѣдателя

*) Статья писалась при большевистскомъ режимѣ. Ред.

Московскихъ объединенныхъ приходскихъ совѣтовъ А. Д. Самарина, разработанный въ январѣ 1918 года, послѣ большевистскихъ декретовъ объ изгнаніи изъ школъ Закона Божія.

По проэку Кіевскаго съѣзда крайне желательно, въ интересахъ оживленія церковной жизни и укрѣпленія нравственныхъ устоевъ въ русскомъ обществѣ, учрежденіе внѣшкольнаго религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія народа, образованнаго общества, учащагося юношества и дѣтей дошкольнаго возраста въ видѣ приходскихъ трезвенныхъ союзовъ, юношескихъ религіозно-философскихъ братствъ и дѣтскихъ кружковъ ревнителей православія. Всѣ эти учрежденія должны быть добровольными, живыми, а потому не обязательно многочисленными, но обязательно—интересными и захватывающими всѣхъ вѣрующихъ, любящихъ Библию, церковное богослуженіе, святыхъ угодниковъ Божіихъ и всѣ уставы Церкви и уроки благочестія.

Проэктъ А. Д. Самарина предлагаетъ каждому приходскому союзу выбрать изъ среды своихъ членовъ законоучителей, проповѣдниковъ и лекторовъ, которые будутъ во всѣ праздничные и нерабочіе дни, во внѣбогослужебное время, въ своихъ приходскихъ храмахъ вести для дѣтей, юношества и народа уроки Закона Божія, чтенія и бесѣды по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Здѣсь же должны быть открыты и церковныя бібліотеки—читальни и воскресныя школы грамотности и пѣвческіе кружки.

Если попущеніемъ Божиимъ, при насиліи русскаго правительства и равнодушіи народа, умретъ Законъ Божій, какъ предметъ школьнаго обученія, то духовенство и вѣрующіе должны воскресить Законъ Божій, какъ предметъ внѣшкольнаго образованія народа. Законъ Божій долженъ жить въ школѣ, если не въ государственной и казенной, то въ школѣ народной и общественной, учреждаемой самимъ вѣрующимъ людомъ. Проснемтесь же отъ бездѣятельности! Начнемъ работу по оздоровленію широкихъ круговъ народа и юношества и пойдемъ по-прежнему ко Христу и къ Евангельскому „свѣту разума“!

Свящ. М. Степановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Цѣнность Закона Божія для школы и жизни.

(Окончаніе.*)

II.

Не рѣдко случается такъ, что новое, молодое поколѣніе очень развязно и увѣренно объявляетъ свое время достигшимъ наивысшаго развитія. При этомъ къ предшествующему поколѣнію и предкамъ открыто высказывается снисходительное, а часто и насмѣшливое отношеніе. Именно, такое пренебрежительное отношеніе къ родной старинѣ особенно неосторожно высказывается въ большинствѣ учебниковъ по исторіи русской школы: по изображенію большинства историковъ, въ древнихъ русскихъ школахъ царили только темнота и религіозный фанатизмъ. Въ какомъ жалкомъ видѣ многіе изображаютъ намъ уровень познаній учениковъ древне-русскихъ школъ: тогда не изучали ни астрономіи, ни гигиены, ни законовѣдѣнія.

Но изображая темноту и скудость просвѣщенія древне-русской, монастырской и приходской школы, наши модные авторы (П. Н. Милюковъ, г. Демковъ) забываютъ одно удивительное свойство старыхъ русскихъ монастырскихъ учениковъ и учителей: это—благоговѣйное, рели-

*) См. № 18 „Тобольск. Епарх. Вѣд.“ за 1918 г.

гіозное отношеніе къ учебной работѣ, которое теперь совершенно испарилось въ новой казенной русской школѣ. Вспомнимъ, что старая школа пріобрѣтала для себя книги путемъ переписыванія, для чего требовался большой и продолжительный трудъ. Воплиѣ понятно, что окончивъ переписку одной книги, окончивъ этотъ большой трудъ нѣсколькихъ лѣтъ, переписчикъ въ концѣ книгъ приписывалъ искреннюю свою просьбу къ читателю и учелуку: помянуть молитвою его—переписчика. Ученикъ, какъ только бралъ въ руки эту книгу, такъ уже встрѣчался съ упоминаніемъ о молитвѣ, о благоговѣйномъ отношеніи и къ книгѣ, и къ памяти предковъ—переписчиковъ. Книга неволью была предметомъ бережнаго отношенія со стороны ученика, а отсюда и школа, и школьныя занятія, хотя и сопровождавшіяся въ духѣ той эпохи суровыми наказаніями и неукоснительною требовательностью къ ученику,—въ глазахъ ученика носили характеръ молитвы, благоговѣйнаго повиновенія старшимъ, бережнаго отношенія къ книгамъ. Самое ученіе (по Часослову и Псалтири) на всѣхъ школьныхъ урокахъ носило характеръ уроковъ Закона Божія и располагало всѣхъ—и учителей, и учениковъ—съ любовію переписывать лѣтописи, сказанія о житіяхъ святыхъ и о подвижникахъ древней Руси.

Отъ учениковъ своихъ древне-русская школа требовала много труда—и заучиванья, и переписыванія, и даже грубой работы по уборкѣ и отопленію школьнаго помѣщенія. Старая школа внушала ученику суровую привычку къ труду.

Новая русская школа, послѣ шестидесятихъ годовъ XIX-го столѣтія, вступила на совершенно другой путь. Ученіе въ новой школѣ и классный урокъ перестало быть благоговѣйнымъ подвигомъ, но превратилось въ веселую забаву и развлеченіе. Книжки наполнились и шутками, и веселыми картинками и баснями о неправдоподобно разговаривающихъ растеніяхъ и животныхъ. Естественно, къ такой развеселой и шуточной книгѣ ученикъ потерялъ всякое благоговѣйное чувство. Къ учебнику, равно какъ и къ самому уроку, ученикъ началъ относиться не серьезно, съ улыбкою и, естественно, безъ сосредоточеннаго и углубленнаго вниманія. Законъ Божій, вмѣстѣ съ древними Часословомъ и Псалтирью, были вытѣснены изъ новой школы баснями. Учитель-монахъ замѣнился учителемъ-молодцомъ, въ три года пробѣжавшимъ энциклопедію всѣхъ наукъ—и общеобразовательныхъ, и педагогическихъ, умѣющимъ говорить пересказы о явленіяхъ природы, но не расположеннымъ къ церковному и библейскому знанію. У новаго учителя, въ новой русской начальной школѣ и работа выражалась больше въ объяснительномъ чтеніи и въ бесѣдахъ о развитіи знаній дѣтей о явленіяхъ природы, при чемъ трудъ ученика и домашняя работа по механическому заучиванію письма и ариеметики обычно всячески облегчалась и сокращалась. Ученики такихъ школъ выходятъ въ жизнь и безъ твердаго религіознаго убѣжденія, и безъ навыка къ усидчивой домашней работѣ, а часто и безъ элементарной грамотности, что особенно сказывается на

письменныхъ работахъ: какъ только изъ школы ушелъ трудъ по переписыванію книгъ, такъ и ученики начали поражать своею безграмотностью. Письменныя работы въ начальной школѣ—теперь самое болѣе ея мѣсто и самая непоправимая ея болѣзнь, не смотря на постоянное упрощеніе учебниковъ и орфографіи.

Церковныя приходы должны, на ряду съ государственною школою, въ церкви и въ церковныхъ зданіяхъ создать особыя, внѣшкольныя уроки, которые воплотили бы въ себѣ добрыя черты древне-русской школы: ея близость къ церковно-богослужебнымъ книгамъ, ея благоговѣйное отношеніе къ занятію, ея навыкъ къ излишнему, сверхъпрограммному добровольному труду. Совершенно необходимо для дѣтей православныхъ родителей сохранить типъ приходской, не государственной школы. Ценность такой приходской школы будетъ въ томъ, что она привьетъ своимъ ученикамъ черты благоговѣнія, трудолюбія и другихъ нравственно-высокихъ воспитательныхъ качествъ, которыя теперь такъ чужды начальной казенной школѣ.

Но при нашей русской лѣности и безпечности, при нашемъ неумѣніи организовать общественную работу и открыть новыя ячейки народнаго просвѣщенія, вѣроятно, еще долго не установится работа въ нашей приходской школѣ, еще долго мы не научимся открывать воскресные классы и вести по новому методу—съ живымъ нравственнымъ приложеніемъ, уроки по Закону Божію. Очевидно, изыскивая новые способы религіознаго обученія народа и юношества, мы должны еще намѣтить, какъ сдѣлать уроки Закона Божія и внѣклассныя религіозныя бесѣды жизненнѣе и нагляднѣе.

Нужно вспомнить, что о школьномъ обученіи Закону Божію часто вполне вѣрно говорили, какъ о сухомъ, книжномъ и формальномъ преподаваніи, чуждомъ живого приложенія къ обыденной обстановкѣ и жизни ученика.

Въ литературѣ не одинъ разъ отмѣчались случаи того, что дѣти, жаждавшіе получить на урокахъ Закона Божія духовное живое питіе, разочаровывались мертвящимъ формализмомъ преподаванія и не получали желаемого. Нѣсколько рѣзко, но довольно правдиво такое переживаніе ученика описано Глѣбомъ Успенскимъ въ рассказѣ про одного мальчика, который рѣшалъ вопросъ: кѣмъ ему быть? пустынникомъ или разбойникомъ? Мальчикъ рассказывалъ про себя: „о божественномъ я думалъ крѣпко. Вотъ въ такомъ расположеніи я пришелъ къ вамъ въ классъ... И думалъ я, что вы и намъ, мальчикамъ, все это подробно растолкуете, какъ Пилать, что Іуда, и все до нитки, а вы что же? Въмѣсто того свернули дѣло въ три слова, всю исторію въ одну минуту... Іуда предалъ. Пилать, молъ, распялъ, а чрезъ три дня Господъ воскресъ,—а радости мнѣ никакой не стало. А потомъ сразу: гдѣ подлежащее? гдѣ сказуемое?“

При болѣе жизненномъ и нравственно-приложимомъ обученіи Закону Божію, несомнѣнно, и для мальчика на урокъ Закона Божія почув-

ствовавшая бы радость и одушевленное переживание теплаго, молитвеннаго чувства.

Для большей жизненности преподаванія Закона Божія много матеріала можетъ дать художественная литература, всѣ лучшіе типы которой обвѣяны религиозными переживаніями. Таковы лѣтописецъ Пименъ Пушкина, Алеша Карамазовъ, старецъ Зосима и князь Мышкинъ Достоевскаго, Лиза Калитина Тургенева, Николенька и Наташа Ростова Льва Толстого, Власъ Некрасова и многое множество другихъ. Русская словесность, въ лицѣ самыхъ выдающихся своихъ литературныхъ типовъ, зоветъ ко Христу и къ Евангелію, къ жизненному выполненію заповѣдей Божіихъ чрезъ любовь и самопожертвованіе для другихъ людей. Уроки литературы, конечно, до нѣкоторой степени могутъ замѣнить уроки Закона Божія, но въ тоже время нужно сказать, что литературные уроки нравственности мало доказательны, если они не опираются на христіанское вѣроученіе. Если мы будемъ, на примѣръ, звать дѣтей полюбить народъ и работать для ближняго своего и укажемъ въ руководство къ этому на стихотворенія Некрасова, то учащіеся, естественно, могутъ насъ спросить о томъ, кто былъ Некрасовъ, какъ онъ самъ жилъ и какъ самъ любилъ народъ. На это учитель долженъ будетъ сказать, что хотя Н. А. Некрасовъ и написалъ множество стихотвореній о любви ко всѣмъ страдающимъ и угнетеннымъ, но самъ онъ былъ крѣпостникъ, баринъ—любитель охоты и привольной жизни, такъ что въ жизни своей онъ не осуществлялъ самъ того, къ чему звалъ другихъ. Значитъ, и самые уроки нравственности, взятые изъ некрасовскихъ стихотвореній много теряютъ въ смыслѣ своей убѣдительности, какъ только ученикъ ознакомится съ живою личностью Некрасова. Гдѣ же можно будетъ указать дѣтямъ живой примѣръ нравственности, воплотившей въ своей жизни заповѣди о любви?

Такою личностью былъ Христосъ.

Укажите дѣтямъ на ученіе Христа и на Его жизнь и вы твердо можете сказать, что Христосъ чему училъ людей, тому самому Онъ первый слѣдовалъ въ Своей жизни. Онъ училъ о самопожертвованіи и жалости, о милосердіи и любви. И въ жизни Своей Онъ всегда былъ окруженъ бѣдными и больными, нуждающимися и страдающими. Сынъ Божій—Онъ принялъ видъ раба, родился въ вертепѣ и положенъ былъ въ ясляхъ, жилъ въ трудовой семьѣ плотника до тридцатилѣтняго возраста, потомъ ходилъ съ проповѣдію вѣры, любви и благочестія, не имѣя, гдѣ главы поклонити. Послѣ трудовой и полной самопожертвованія жизни Онъ пошелъ безвинно на крестъ и въ Своей жизни далъ намъ примѣръ выполненія уроковъ любви. И теперь, спустя много вѣковъ послѣ Христа, при воспоминаніи о безвинныхъ страданіяхъ Христа и при мысли о Его кротости и всепрощеніи, и слезы застилаютъ нерѣдко наши глаза, и душу охватываетъ тотъ молитвенный подъемъ духа, о которомъ Лермонтовъ писалъ:

„Есть сила благодатная

„Въ созвучьи словъ живыхъ,

„И дышетъ непонятная,
„Святая прелесть въ нихъ.
„Съ души какъ бремя скатится,
„Сомнѣнье далеко,
„И вѣрится, и плачется,
„И такъ легко, легко.“

Въ такихъ переживаніяхъ человѣческой души начинается религиозный опытъ. На эти переживанія и на этотъ религиозный опытъ можно указать юношеству, какъ на предвкушеніе и начало вѣчнаго блаженства и жизни съ Богомъ, которыя откроются человѣку въ загробной жизни. Такъ уроки нравственности на урокахъ Закона Божія становятся устойчивѣе и производятъ сильное впечатлѣніе на душу юноши потому, что они опираются на могучую силу религиозныхъ чувствованій и переживаній.

Но если это утвержденіе будетъ неубѣдительно для маловѣрующаго, то и для невѣрующаго должно быть совершенно убѣдительно то утвержденіе, что образовательное значеніе Закона Божія столь же цѣнно, сколько и другихъ, такъ называемыхъ, гуманитарныхъ наукъ: литературы, исторіи, педагогики, зовущихъ къ осуществленію въ жизни учащагося нравственнаго идеала. Идеаль Закона Божія—одинъ и тотъ же, что и идеаль гуманитарныхъ наукъ: торжество на землѣ добра и правды, воплощеніе въ личной жизни человѣка началъ нравственныхъ.

Какъ близки идеалы православія идеаламъ русской литературы, объ этомъ прекрасно свидѣтельствуютъ и невѣрующіе писатели—Некрасовъ и Л. Толстой

Напомнимъ стихотвореніе Н. А. Некрасова („Тишина“):

„Храмъ воздыханья, храмъ печали—
„Убогій храмъ земли твоей;
„Тяжеле стонувъ не слышали
Ни Римскій Петръ, ни Колизей.
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложить руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умалился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старья челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.“

О цѣнности, именно, образовательнаго значенія уроковъ Закона Божія въ курсѣ начальной школы писалъ нецерковный Левъ Толстой въ своей статьѣ „Ясно-Полянская школа за Ноябрь и Декабрь мѣсяцы. Священная исторія.“ (Собраніе сочиненій, изданіе 7, Москва, 1887 г., часть IV, стр. 317-321): „изъ всѣхъ изустныхъ передачъ, которыя я пробовалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, ничто такъ не приходилось къ понятіямъ и складу ума мальчиковъ, какъ Библия. Я пробовалъ Новый За-вѣтъ, пробовалъ русскую исторію и географію; пробовалъ, столь лю-бимыя въ наше время, объясненія явленій природы, но все это забы-валось и слушалось неохотно. Вѣтхій же За-вѣтъ запоминался и расска-зывался страстно, съ восторгомъ, и въ классѣ, и дома, и запоминался такъ, что чрезъ два мѣсяца послѣ разсказа дѣти изъ головы (на память) писали Священную исторію въ тетрадкахъ съ весьма незначительными пропусками. Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгой дѣтства всякаго человѣка. За-мѣнить эту книгу мнѣ кажется невозможнымъ. Измѣнять, сокращать Библию, какъ это дѣ-лаютъ въ учебникахъ, мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово въ ней справедливо, какъ откровеніе, и справедливо, какъ искусство... Можетъ быть, испорченнымъ барышнямъ нельзя давать Библии въ руки, но читая ее крестьянскимъ дѣтямъ, я не измѣнялъ и не выпускалъ ни одного слова. И никто не хихикалъ за спиной другъ-друга, и всѣ слу-шали ее съ замираніемъ сердца и естественнымъ благоговѣніемъ. Исторія Лота и его дочерей, исторія сына Іуды возбуждаетъ ужасъ, а не смѣхъ. Какъ все понятно и ясно, особенно для ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ строго и серьезно. Я не могу себѣ представить, какое было бы образованіе, еслибы не было этой книги... Я думалъ, какъ и многіе ду-маютъ, что находясь самъ въ томъ мірѣ, въ который мнѣ надо ввести учениковъ, мнѣ легко будетъ это сдѣлать, и я училъ грамотѣ, я объяс-нялъ явленія природы и рассказывалъ, какъ въ азбукахъ, что плоды ученія сладки, но ученики не вѣрили мнѣ и все чуждались. Я попро-бовалъ читать имъ Библию и вполне завладѣлъ ими... Они полюбили книгу и ученіе, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше.. Для того, чтобы открыть ученику новый міръ и безъ знанія заставить его полюбить знаніе, нѣтъ книги кромѣ Библии. Я говорю даже для тѣхъ, которые не смотрятъ на Библию, какъ на откровеніе. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое бы соединяло въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, которыя соединяетъ въ себѣ Библия. Всѣ вопросы изъ явленій природы объяснены этою книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собою, семьи, государства, религія, въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщеніе мыслей, мудрость, въ дѣтски—простой формѣ въ первый разъ захва-тываетъ своимъ обаяніемъ умъ ученика... Пускай тѣ, которые отрица-ютъ воспитательное значеніе Библии, которые говорятъ, что Библия от-жила,—пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе рассказы, объясняющіе явленія природы или изъ общей исторіи, или изъ воображенія, которые

бы воспринимались также, какъ библейскіе, и тогда мы согласимся, что Библия отжила... Матеріализмъ тогда только будетъ имѣть право объявить себя побѣдителемъ, когда будетъ написана библия матеріализма, и дѣтство будетъ воспитываться по этой Библии...“

Но для насъ—родителей и вѣрующихъ церковныхъ людей неизмѣримо выше образовательной цѣнности Закона Божія цѣнность его, какъ воспитательнаго, жизненно—практическаго руководителя нашихъ юныхъ подрастающихъ поколѣній. Вѣдь намъ больно будетъ видѣть въ нашей семьѣ и въ нашихъ дѣтяхъ воплощеніе тѣхъ пакостныхъ типовъ, которые зарисованы въ средѣ студентовъ книжкою Гегидзе „Въ университетѣ“, въ средѣ интеллигенціи книжкою Арцыбашева „Санинъ“ и въ средѣ дѣвушекъ и женщинъ книжками Вербицкой „Ключи счастья.“

Намъ и обществу нужны юноши трудолюбивые, сдержанные и трезвые. Семьѣ, родителямъ и обществу дороги дѣвушки хозяйственныя, стыдливыя и честныя.

А уроки чистоты и воздержанія всего умѣстнѣе можно преподавать въ школѣ на урокахъ Закона Божія, а не на урокахъ чтенія, письма и ариѳметики, носящихъ характеръ прикладной и практической, а не воспитывающей и не дающей убѣжденія.

Теперь и изъ городовъ, и изъ деревень несется вопль родителей о томъ, что молодежь избаловалась до того, что страшно становится жить среди озвѣрѣвшихъ и разнузданныхъ хулигановъ. Прочтите очень яркія картины хулиганства молодежи, зарисованныя писателемъ Семеновымъ въ талантливой книгѣ „Въ деревнѣ,“ и вамъ станетъ жутко за будущность дѣтей, лишенныхъ уроковъ Закона Божія и разумныхъ приходскихъ организацій—союзовъ трезвости, охраненія родной старины, обереганія животныхъ и растеній, которые теперь весьма нужно учредить въ формѣ майскихъ союзовъ и юношескихъ кружковъ.

Школа русская должна цѣнить уроки Закона Божія. Но въ помощь этимъ школьнымъ урокамъ приходы и духовенство съ вѣрующими мірянами должны торопиться учрежденіемъ христіанскихъ и церковныхъ юношескихъ организацій для возрожденія въ нашихъ дѣтяхъ завѣтовъ нравственной святости и подражанія Христу—Спасителю. Не достаточно однихъ только школьныхъ уроковъ по Закону Божию. Родители учащихся, духовенство и приходы должны дать дѣтямъ церковныя хоры и содержательныя бібліотеки—читальни съ подборомъ наиболѣе выдающихся современныхъ и классическихъ сочиненій по церковно-общественнымъ и религіозно-нравственнымъ вопросамъ. За послѣдніе годы и въ русской и въ иностранной литературѣ появилось много современныхъ—доступныхъ и капитальныхъ сочиненій, посвященныхъ Христу—Спасу и христіанству, которыя должны быть обязательны для каждой приходской читальни. Укажемъ, на примѣръ, В. А. Кожевниковъ о буддизмѣ и христіанствѣ, С. Н. Булгаковъ о социализмѣ, изданія Московскаго издательства „Путь,“ изданія Петроградскаго журнала „Отдыхъ христіанина“ („Христосъ“), Сытинскія хрестоматіи—„Лучъ“ и Катехизисъ въ разска-

захъ,“ Б. Джемсъ „Многообразіе религіознаго опыта,“ книги о религіи русскихъ писателей и „Религіозно-Философскую Библіотеку“ М. А. Новоселова.

Въ Евангеліи отъ Іоанна мы читаемъ: „Іисусъ сказалъ ученикамъ: духъ животворитъ, плоть не пользуетъ нимаго. Слова, которыя Я говорю вамъ, суть духъ и жизнь... Тогда Іисусъ сказалъ двѣнадцати: не хотите ли и вы отойти? Симонъ Петръ отвѣчалъ Ему: Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ—Сынъ Бога Живаго...“ (Іоан. VI, 63. 67-69).

Священникъ *Михаиль Степановъ.*